

Хилари Мантел

**ЗЕРКАЛО
И СВЕТ**

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М 23

Hilary Mantel
THE MIRROR & THE LIGHT
Copyright © Hilary Mantel 2020
All rights reserved

Перевод с английского
Екатерины Доброхотовой-Майковой, Марины Клеветенко

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

- © Е. М. Доброхотова-Майкова, М. В. Клеветенко,
перевод, примечания, 2021
- © А. Питчер, примечания, 2021
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство ИНОСТРАНКА®

ISBN 978-5-389-18523-4

Этой книгой я поставила перед собой самую сложную творческую задачу за всю свою писательскую карьеру — но и результатом довольна, как никогда. Надеюсь, и читатели не будут разочарованы после такого долгого ожидания.

Хилари Мантел

По сравнению с романами Мантел о Томасе Кромвелле 99% современной прозы выглядит бледно и бескровно.

The Times

У римлян была «Энеида», у русских — «Война и мир»; благодаря Хилари Мантел теперь и у нас в Англии есть подлинный эпос, написанный на материале нашей истории.

Sunday Telegraph

И снова шедевр. Пружина сюжета закручена неумолимо, на зависть иным триллерам. Хилари Мантел принципиально переосмыслила сам жанр исторического романа сверху донизу. Вся трилогия, вместе взятая, — величайшее достижение британской литературы в новом веке.

Observer

Редкие авторы не просто закапываются в окаменевшие напластования прошлого, но поднимают свою добычу к свету, чтобы снова блестела, нам на радость. Хилари Мантел — из их числа. «Зеркало и свет» — даже в большей степени, чем первые два романа трилогии, — обеспечивает полное погружение в сенсориум былого и держит читателя тем сильнее, чем увереннее вторгается на территорию поэзии.

Саймон Шама, автор «Силы искусства» и «Глаз Рембрандта»
(*Financial Times*)

Глубокий, драматичный, многоплановый, безумно увлекательный — не роман, а натуральное пиршество. И самое удивительное, что «Зеркало и свет» ничуть не уступает двум первым романам, получившим Букера. С чем бы сравнить... ну вот представьте, если бы третий «Крестный отец» был так же великолепен, как два первых.

Элизабет Гилберт, автор «Есть, молиться, любить»
(*The Wall Street Journal*)

«Зеркало и свет» — как богато структурированный фриз, высеченный из безупречных изысканий, восхитительных характеров и экспрессионистского языка. Хилари Мантел — наш Микеланджело от литературы.

Oprah Magazine

Прошлое под пером Мантел буквально оживает: мы до последнего верим, что Кромвель имеет шанс спастись.

Vox

Если «Зеркало и свет» не принесет Хилари Мантел третьего Букера — нет в мире справедливости.

St. Louis Post-Dispatch

История Тюдоров утрачивает здесь всю тяжеловесную привычность и становится идеальным полигоном для характерно мантеловской мускулистой прозы и беспощадного остроумия, не говоря уж о ее давней зачарованности злом и насилием, религией и призраками.

Times Literary Supplement

«Зеркало и свет» являет нам новый эталон исторической прозы на поколения вперед.

Independent

Триумфальный финал завораживающей саги; многолетнее ожидание окупилось сторицей.

National Public Radio

Шедевр, который еще долго будет радовать читателей своими богатствами, меняясь с нами вместе и с нами вместе двигаясь в будущее.

Guardian

Закрыв «Зеркало и свет», я рыдала так, как не рыдала над книгой с детства. Из кремня по имени Томас Кромвель неподражаемая Хилари Мантел высекала неугасимую искру, искра же разгорелась жарким пламенем.

Сапа Пеппи,

автор «Змея в Эссексе» и «Мельмота»

(Telegraph)

Ее трилогия о Кромвеле — величайшее достижение в жанре исторического романа за последнее десятилетие.

The New York Times Book Review

Ее Томас Кромвель — персонаж одновременно шекспировской глубины и модернистской сложности. Он мог бы быть Гамлетом — или пациентом из записных книжек Фрейда: то ныряет в детские воспоминания, то воспаряет к ангельским сферам.

The Atlantic

Противоречия и шероховатость — вот что придает ценность исторической прозе. Найти форму, а не навязать форму. И позволить читателю жить с неоднозначностью. Томас Кромвель — персонаж, для которого это особенно важно. Он почти что эталон неоднозначности. Есть Кромвель популярной истории и Кромвель академической науки, и это два разных человека. Мне удалось объединить два лагеря, и теперь подросли новые биографии Кромвеля, от популярных до самых строгих и научных. Так что у нас будет непротиворечивый Кромвель... возможно.

Хилари Мантел

Хилари Мантел — писательница, умеющая видеть сквозь кровь. Силой своей прозы она рисует моральную неоднозначность и реальную неопределенность политической жизни... Она воссоздала самый важный период новой английской истории: величайший английский прозаик современности оживляет известнейшие эпизоды из прошлого Англии.

*Сэр Питер Стотард,
председатель жюри Букеровской премии*

Литературная изобретательность Мантел не изменила; все так же метко и точно в каждом слове.

*Маргарет Эвюд
(Guardian)*

Мантел вдохновенно говорит голосом Кромвеля. Когда она создает сцены и придумывает диалоги, она убедительнее любой исторической хроники.

*Филанна Грегори
(Sunday Express)*

Портрет Томаса Кромвеля, созданный блистательной и самобытной писательницей, ниспровергает все каноны и вполне заслуженно получил Букеровскую премию.

*Ф. Д. Джеймс
(Sunday Telegraph: Books of the Year)*

История Тюдоров, написанная мастерски и с большим знанием дела. Творение одного из лучших современных литераторов, этот грандиозный труд исследует психологию, политику и религиозное ханжество бурной эпохи Генриха VIII.

*Кейт Мосс
(The Times)*

Настолько ново и неожиданно, что наши взгляды на историю и литературу уже никогда не будут прежними.

*Том Холланд
(Sunday Telegraph)*

Удивительно, как Мантел воспроизводит язык и быт прошлого. Она прерывает исторические материалы и выкапывает мельчайшие, самые выразительные детали, воссоздающие прошлое как вявь. Диалоги настолько убедительны, что кажется, она в прежней жизни стенографировала разговоры в английских дворцах и тавернах.

*Росс Кунз
(Los Angeles Times)*

Поистине завораживает. Написано виртуозно, с глубоким знанием эпохи; за счет богатейшей фактуры тюдоровский Лондон и окружение человека, идущего в гору, воссозданы с удивительным правдоподобием. Персонажи, как реальные, так и вымышленные, от ребячески упрямого короля до кардинальского шута, обретают жизнь и замечательно передают буйный дух эпохи.

*К. Дж. Сэнсом
(автор романа «Горбун лорда Кромвеля»)*

Масштабное полотно с тончайшей проработкой деталей, композиция из множества персонажей, лапидарный стиль, создающий мощный эффект присутствия, остроумие, поэзия и богатство оттенков.

*Сара Дюнан
(автор «Рождения Венеры»)*

Хотя мы прекрасно знаем, чем все закончится, проза Мантел завораживает и волнует; история борьбы за власть разворачивается на наших глазах.

The Times: Books of the Year

Книга, от которой невозможно оторваться... Мантел пишет историческую прозу с такой разговорной живостью, что чувствуешь себя мухой на стене Кромвелева кабинета. Полный восторг от первой страницы до последней.

Mail on Sunday

Гений Мантел в том, что она пересказывает хорошо известную историю, залезая людям в голову, отыскивая тайные уголки мыслей, видя то, чего не видят другие. Я немного смущаюсь писать слово «гений», но...

Daily Mail

Мантел совершает переворот в литературе.

Times Literary Supplement

Мантел продолжает строить осязаемый тюдоровский мир.

Guardian: Books of the Year

Романы Мантел ничем не уступают «Крестному отцу»: те же эпичность, драматизм и напряжение.

Scotsman

Захватывающая история ярости и ужаса.

Independent on Sunday

Шедевр изящества и увлекательности.

Marie Claire

Проза Мантел великолепна... фактурная и в то же время простая, наполненная жизненной энергией. Для этих книг изобретен собственный язык: не тюдоровский, но интонациями воспроизводящий дух эпохи.

Canberra Times

Упоительно читать творение писательницы в расцвете сил, сплетенной в счастливых объятиях с музой, которую она себе покорила. Мантел и Томас Кромвель созданы друг для друга.

Sydney Morning Herald

Мантел знает, что выбрать, как сделать сцену живой, как вылепить персонажей. Она как будто не умеет отрешиться или обмануть... она инстинктивно хватается за реальность. Короче говоря, это писатель, надежный тем, чему нельзя научить, — даром писать увлекательно.

The New Yorker

Мантел решительно сметает с истории паутину, снимает потемневший глянец архаичных фраз и маскарадной сентиментальности исторических романов, так что прошлое предстает нам живым, свежим и непривычным.

The New York Times Book Review

В 2009 году Хилари Мантел произвела фурор своим захватывающим романом «Вулфхолл», получившим Букеровскую премию... Кто бы думал, что история может быть настолько завлекательной?

Vanity Fair

То, что зовется трилогией «Вулфхолла», — удивительный труд, рождающийся на наших глазах. Прошлое кажется близким и — что лучше всего — непредсказуемым. Даже если вы знаете историю, вы будете глотать страницу за страницей, торопясь узнать, что же случится дальше.

People

Теперь, когда этот литературный подвиг совершен снова, мы видим, что самый умный вовсе не Кромвель; самая умная — Мантел.

The Huffington Post

Ее персонажи — реальные и живые люди, носители противоборствующих идей своего времени. Мантел делает прошлое живым и насущным.

The Economist

Остроумием, смелостью и поразительной широтой исторического знания Мантел вдохнула новую жизнь в избранную ей область.

Bookslut

Просто исключительно... Завидую тем, кто еще этого не читал.

Daily Mail

Новый уровень. История ближайшего советника Генриха VIII — лучшая историческая проза, какую мне случалось читать. Потрясающее достижение.

Sunday Telegraph

Блистательно в каждом слове... выше всяких похвал.

Spectator

Не думайте, что можете взяться за эту книгу когда угодно, — планируйте загодя, потому что оторваться от нее невозможно и, пока не дочитаете, вы толком не сможете даже спать.

Country Life

Увлекательный пересказ знакомой истории в непривычном ракурсе — мы проживаем драму пятивековой давности как современную и животрепещущую.

The Times

Мантел — изумительный писатель, тонкий стилист, соединяющий абсолютную точность с захватывающей глубиной погружения, и одновременно тонкий наблюдатель человеческой природы.

New Statesman: Books of the Year

Лучший Букеровский лауреат за много лет. Насыщенная атмосфера, смелый повествовательный стиль, безусловный шедевр.

Scotsman: Books of the Year

Соединяя современное понимание зла с иронией, Мантел переносит нас прямоком в разум человека XVI столетия.

The Economist: Books of the Year

Ее Кромвель человечен и правдоподобен, а воссозданный ею двор Генриха VIII пугающе убедителен.

Scotsman: Books of the Year

Смело и захватывающе.

Financial Times: Books of the Year

Блестяще... Тюдоровская Англия Мантел — это сочащееся кровью мясо, кишки и грязь. Мантел заставляет нас задумываться о том, что мы якобы знаем. Есть историческая правда, а есть правда творческая. Мантел... чтит и ту и другую.

Spectator

Ошеломляюще прекрасно. Увлекательное повествование о борьбе за власть и политических махинациях и в то же время дивно поэтическое, полное ярких образов и фраз. Утонченное волшебство.

Daily Mail

Мантел создает мир настолько конкретный, что чувствуешь запах мокрого шерстяного плаща и колкие стебли тростника под ногами. Мы жадно ждем продолжения...

Daily Telegraph

Хилари Мантел не только безгранично талантлива, но и безгранично смела.

Observer

Мантел прекраснее всего в мрачных мелочах. Ощущение зла здесь густое, как дым от сожженной человеческой плоти, и от него перехватывает дыхание. Вот на что изредка способно слово в высшем своем проявлении.

Financial Times

Великолепно... Никогда еще не было такого сильного фаворита на Букер; не зря говорят, что Мантел наполнила само понятие исторического романа совершенно новым смыслом. В прозе Мантел есть безусловная уверенность Мюриель Спарк, и у читателя не возникает вопросов, откуда она столько знает про те времена, как не возникает сомнений и в ее оценке событий.

Evening Standard

Согласны мы с тем, как госпожа Мантел трактует историю, или нет, ее персонажи обладают собственной жизненной силой, шекспировской мощью. Стилистически ее подход «незримого наблюдателя» достигается через настоящее время, которым она владеет блестяще. Ее проза насыщена и энергична. Диалоги не рядятся в tudorovskiyu мишуру, а написаны современным языком.

The Economist

Великолепный портрет общества в эпоху пугающих перемен, а в центре этого портрета — Томас Кромвель, могущественный советник Генриха. Проза Мантел — на удивление упругая и точная.

The Washington Post

Мантел интересуют вопросы добра и зла в применении к людям, наделенным огромной властью. Отсюда ненависть, ликование, сделки, шпионы, казни и роскошные наряды... Она всегда стремится к цвету, богатству, музыке. Она внимательно читала Шекспира, но слышны и отзвуки молодого Джеймса Джойса.

The New Yorker

Мантел не просто приближает прошлое, а одним махом переносит нас туда своей искусной и мрачной прозой. Мы — путешественники во времени, очутившиеся в чужом мире... Интриги и переживания далекой эпохи превращают книгу в долгое изысканное удовольствие.

The Boston Globe

Шедевр исторической литературы... олицетворяет то, что последнее время казалось таким же мифическим, как принцессы-змеи: великий английский роман.

Bloomberg News

Мантел исследует темные течения политики XVI века и создает на удивление современного персонажа и конфликты.

The Christian Science Monitor

История Кромвеля оживает в динамичной и умной прозе госпожи Мантел... Мантел берет традиционный исторический костяк и наращивает на него фантазмагорическое разнообразие трудов и тактик, успехов и уловок своих героев.

Washington Times

Не бывает новых историй, есть только новые способы их рассказать. Мантел как писатель дерзновенна не меньше Анны Болейн; она сочиняет личные разговоры известных людей, и они читаются так, будто она их подслушала.

People Magazine

Любители исторической прозы — и великой литературы — должны визжать от восторга.

USA Today

Это тугой клубок интриг, а исторические фигуры кажутся, как никогда, живыми и человечными!

Miami Herald

Искусно сплетая историю и вымысел, Мантел рисует грандиозную картину тюдоровской Англии. Блестяще выстроенный сюжет и захватывающие диалоги...

St. Louis Post-Dispatch

На сцене истории выступает монарх, но кто-то должен за кулисами управлять всем балаганом. Для Генриха VIII этим человеком был Томас Кромвель, по крайней мере часть его царствования. У Генриха был свой способ избавляться от надоевших приближенных — топор, — и многие его советники сложили головы на плахе. Кромвель (очень дальний родственник Оливера Кромвеля, который тоже многих казнил) эффективно привел в исполнение грандиозный королевский проект по отделению церкви от Рима, но в конце концов навлек на себя гнев раздражительного Генриха (того самого, у которого было столько жен!) и был казнен. Большинство американцев простительно путает Кромвелей, но англичане знают, что это два разных человека. Томаса обычно изображают хитрым безжалостным негодяем, который уничтожал монастыри и преследовал реальных и мнимых врагов короля, мешавших тому подмять под себя католическую церковь в Англии. Все это происходило в XVI веке, когда Англию раздирали религиозные споры, а король все не мог дожидаться наследника. Генрих был женат на Екатерине Арагонской, испанке, вдове его старшего брата, и та никак не могла родить сына. У нее была только дочь, Мария, которая позже наделала столько бед. С помощью Кромвеля Генрих променял Екатерину на более молодую и теоретически более плодотворную Анну Болейн. Хотя вся история больше отдает коневодством, любители королевских особ ею упиваются. Она романтизирована и мифологизирована, и часто человеческое измерение заслоняет все остальное. Хилари Мантел блистательно восстановила историческое измерение... Погрузившись в ее прозу, вы окажетесь в мире Кромвеля и увидите его с той полнотой, какую дает только литература.

Pittsburgh Post-Gazette

В отличие от аристократов, для которых простонародье — почти инопланетная раса, Кромвель помнит жизнь простых людей и насущные нужды страны: дороги, лучшее питание, даже карты... Мантел пишет ясно и без лишних ухищрений; она воссоздает эпоху, не прибегая к архаичной речи. Огромная подготовительная работа нигде не выпирает на поверхность, но мелкие подробности рисуют осязаемую картину. Действие в значительной мере состоит из диалогов, ведь для Кромвеля слова — хлеб насущный...

Portsmouth Herald

Можно с уверенностью сказать, что романы обращаются к периоду кардинального социокультурного прорыва. Томас Кромвель, по Х. Мантел, не только персонаж истории Англии, во многом определивший этот «дрейф» страны в сторону нового мироустройства, но и личность, которая, по сути,

являла собою образ новой страны, нового мышления, отношения к людям, законам, правилам и нормам бытия.

История в представлении Мантел не только политика, политические события и политические фигуры, но нечто более объемное, глубокое, одновременно более сущностное и обобщенное. Мантел понимает, что с точки зрения реконструкции истории важно все ее «тело». Наверное, поэтому в романах так много того, что называется «реалии», артефакты, физическая субстанция прошлого в ее телесности и осязаемости. Именно при их помощи скорее всего и легче всего реконструируется прошлое.

*Борис Проскурнин
(Филологический класс)*

Читается этот политический экшн, скажем прямо, не всегда легко (а кто сказал, что заниматься интригами в Англии XVI века легко?), но очарование живого, трепещущего исторического действия того стоит. Да и харизма самого Томаса Кромвелля тоже — не обаяние зла, не обаяние наглого выскочки, но почти магические флюиды универсального ренессансного человека-который-кажется-знает-и-умеет-все... хотя, надо признаться, есть в мантелевском Кромвелле и что-то от крутых, опасных парней из американского кино. В любом случае у Хилари Мантел получилось создать персонаж, в который можно влюбиться, — а это, согласитесь, один из лучших способов выучить историю.

*Мария Мельникова
(Книжное обозрение)*

Чем на этой поляне, вытопанной до залысин десятками писателей и сотнями историков, можно еще удивить? Оказалось, главным героем. Мантел выбрала Томаса Кромвелля, нежно полюбила, переименовала его давно сложившийся демонический образ и не прогадала. Если иные утверждают — льстил и манипулировал, автор отвечает: был внимателен и умел убеждать. И не жадный, а хозяйственный. Не хитрый, а рациональный. Не мстительный, а последовательный. Не выскочка, а *self-made man*.

Чтобы упрочить свидетельскую правдивость героя, автор плотно набивает тексты подлинными вещами. Когда упоминает латинское издание «Государя» Макиавелли, золоченую звезду для новогоднего дерева, подаренный архиепископом перстень, резные шахматы — не сомневайтесь: существование этих предметов документально подтверждено.

Остальное — кривотоллки: главная движущая сила сюжетов. Все интригуют против всех, о важнейших событиях узнают по сплетням, власть жидется на заговорах, государственные решения зависят от придворных фейков. Мантел мастерски передает атмосферу словесной вакханалии — романная действительность соткана ею из диалогов. Отточенных, как меч казнившего Анну палача. Энергичных, как алчущие выгоды аристократы. Раскрывающих замыслы собеседников «от» и «до». И предельно информативных. Как те слухи, коими полнятся эти книги.

Big Kyiv

Мантел не предлагает никаких постмодернистских ребусов «переведи то время в наше», как это было, например, в «Имени Розы» Умберто Эко. И точно так же нет в ее книгах политической назидательности, ради которой пишут такие тексты многие современные романисты (из соотечественников, например, Дмитрий Быков и Леонид Юзефович), у которых прошлое — всего лишь метафора нашего времени, а знаменитые «мертвецы» оказываются всего лишь удобными трансляторами авторских мыслей о современном. Мантел же совсем не интересуется совпадением теперешней картинки с трафаретом прошлого. Вообще, если ее что-нибудь интересует, помимо собственно фигуры ее главного героя, — то это то, что называется «судом истории», и его справедливость.

При жизни Томас Кромвель практически официально был «самым ненавидимым человеком в Англии». Жесткость, с которой он закрывал монастыри и подавлял восстания монахов, угнетала даже короля, в пользу которого это все и делалось. При этом Кромвель, как оно часто и бывает, был умным государственным и прекрасным администратором.

«Не мертвые преследуют живых, а живые — мертвых. Кости и черепа вытряхивают из саванов, в лязгающие челюсти, как камни, бросают слова. Мы исправляем книги, оставшиеся от покойников, переписываем их жизнь». Если Хилари Мантел и стоило давать беспрецедентных Букеров — подряд за первую и вторую часть ее трилогии, — то за это высказывание. За признание своего (то есть писательского вообще) произвола, позволяющего делать давние жизни и смерти козырями в своей игре.

*Анна Наринская
(Коммерсантъ)*

Сначала ты ждешь Букеровскую премию двадцать лет, а потом получаешь сразу две. Сейчас мне предстоит сложная задача: пойти и написать третью часть. Я, конечно, не рассчитываю стоять на этой сцене снова, но рассматриваю премию как знак доверия.

*Хилари Мантел
(из речи на Букеровской церемонии)*

Мэри Робертсон
в честь многолетней дружбы

СОДЕРЖАНИЕ

Действующие лица	19
------------------------	----

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Обломки (1)	29
II. Спасение обломков	52
III. Обломки (2)	195

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. Приращение	285
II. Пять Ран	309
III. Подлая кровь	352

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I. Белильные поля	429
II. Образ короля	467
III. Преломлено о тело	539

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I. Нонсач	555
II. <i>Cognus Christi</i>	595
III. Наследие	651

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I. Вознесение	659
II. Двенадцатая ночь	712
III. Величие	748

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

I. Зеркало	841
II. Свет	901

Послесловие автора	909
Благодарности	912
Примечания. <i>Е. Доброхотова-Майкова, М. Клеветенко</i>	913

Frères humains qui après nous vivez
N'ayez les cuers contre nous endurciz.

Терпимей будьте, братья-люди, к нам,
Что раньше вас прошли земным путем¹.

Франсуа Вийон

Взгляни наверх, крепчает ветер,
Готовы мы отплыть.

«Потоп», миракль

¹ Перевод Ю. Корнеева.

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

I

Обломки (1)

Лондон, май 1536 г.

Королеве срубили голову, он уходит. Острый приступ голода напоминает ему, что сейчас время второго завтрака или раннего обеда. Для событий этого утра еще не придумано правил. Очевидцы, преклонившие колени, чтобы проводить ее душу, встают и надевают шляпы. Под шляпами ошеломленные лица.

Он возвращается похвалить палача, который исполнил работу с изяществом и блеском, и, хотя король был щедр, важно наградить за отличную службу не только кошельком, но и словами. Бывший бедняк, он знает по опыту.

Маленькое тело лежит там, где упало: на животе, раскинув руки, оно плывет в алом, кровь сочится сквозь доски эшафота. Француз — за ним посылали в Кале — запеленал голову в ткань и передал одной из женщин, которые прислуживали Анне в последние минуты. Он наблюдает, как, приняв узел у палача, женщина вздрагивает от затылка до пят. Впрочем, узел она сжимает крепко, голова тяжелее, чем кажется. Ему, бывавшему на полях сражений, это известно.

Женщины ведут себя весьма похвально. Анна бы ими гордилась. Они не позволяют никому из мужчин ее коснуться; выставляют вперед ладони, отстраняют тех, кто вызвался помочь. Оскальзываясь в крови, склоняются над тщедушным телом. Он слышит их сдержанные вдохи, когда они поднимают за ткань то, что осталось от Анны. Женщины боятся, что ткань порвется и пальцы коснутся холодеющей плоти. Обходят пропитанную кровью подушку, на которой она преклонила колени. Краем глаза он видит, как кто-то срывается с места — лег-

кий на подъем тощий придворный в кожаном джеркине. Ловкач Фрэнсис Брайан спешит сообщить королю, что отныне тот — свободный мужчина. Фрэнсис — кузен мертвой королевы, однако не забывает, что и будущая королева — его кузина.

Под гроб приспособили узкий сундук для стрел, как раз по размеру. Женщина, которая держит узел, опускается на колени вместе со своей подмокшей ношей. Поскольку места в сундуке больше нет, голову помещают в ноги трупа. Женщина встает, крестится. Окружающие повторяют ее жест, его рука послушно следует за всеми, затем он спохватывается и сжимает пальцы в кулак.

Бросив прощальный взгляд, женщины отступают, держа руки на весу, чтобы не запачкать платья. Кто-то из подчиненных Кингстона приносит льняные полотенца, слишком поздно. Эти люди меня поражают, говорит он французу. У них было несколько дней, чтобы найти гроб. Они знали, что ей не жить. Никаких сомнений не было.

— Может, и были, мэтр Кремюэль. — (Ни один француз не способен произнести его имя правильно.) — Может, и были, поскольку, как я понимаю, сама дама надеялась, что король пришлет гонца остановить казнь. Видели, как она смотрела через плечо, поднимаясь по ступеням?

— Он о ней и думать забыл. Все его мысли о новой невесте.

— *Alors*¹, пусть на этот раз все сложится, — говорит француз. — Надейтесь на лучшее. Если меня вызовут снова, я попрошу больше.

Палач отворачивается и начинает чистить меч, обращаясь с ним любовно, словно оружие — его друг.

— Толедская сталь. — Француз протягивает меч, предлагая ему полюбоваться. — Чтобы заполнить такой клинок, до сих пор кланяемся испанцам.

Он, Кромвель, трогает пальцем лезвие. Сегодня, глядя на него, в это трудно поверить, но его отец был кузнецом. Его влечет ко всему железному, стальному, к тому, что извлечено из земли и выковано, к тому, что плавится, чеканится, заостряется. На мече гравировка: терновый венец и молитва.

Зрители понемногу расходятся, придворные, олдермены и городские чиновники, в шелках и золотых цепях, в ливреях

¹ Итак (*фр.*).

Тюдоров, со знаками отличия лондонских гильдий. Два десятка очевидцев, и никто толком не понимает, свидетелем чего стал. Они знают, что королева мертва, но все произошло так быстро, что еще не уложилось в голове.

— Она не страдала, Кромвель, — говорит Чарльз Брэндон.

— Милорд Суффолк, не переживайте, она страдала.

Брэндон ему омерзителен. Когда все преклонили колени, герцог остался стоять. Слишком много чести; герцог ненавидит королеву. Он вспоминает, какой нетвердой походкой она шла к эшафоту, ее взгляд через плечо, который не ускользнул от француза. Даже произнеся последнее слово и призвав молиться за короля, она продолжает всматриваться поверх толпы. И все же не позволила надежде себя ослабить. Редкая женщина способна так встретить свой конец, да и мужчин немного. Он заметил, что ее начала бить дрожь, но это было уже после молитвы. Обошлись без плахи, француз просто велел Анне встать на колени. Одна из женщин завязала повязку. Она не видела ни меча, ни даже его тени, клинок вошел в шею с тихим свистом, мягче, чем ножницы в шелк. Все мы — точнее, большинство, не Брэндон — сожалеем, что до такого дошло.

Сундук несут в часовню, плиты подняты: Анну положат рядом с братом Джорджем Болейном.

— При жизни они делили ложе, — говорит Брэндон, — весьма удобно, что теперь они делят гробницу. Посмотрим, как они будут любиться там.

— Идемте, господин секретарь, — говорит комендант Тауэра. — Предлагаю легкий завтрак, если вы окажете мне честь. Все мы сегодня встали ни свет ни заря.

— Вы можете есть, сэр? — Его сын Грегори сегодня впервые видел смерть.

— Мы должны трудиться, чтобы есть, и есть, чтобы трудиться, — говорит Кингстон. — Зачем королю слуги, которые из-за мыслей о куске хлеба не могут сосредоточиться?

— Сосредоточиться, — повторяет Грегори.

Недавно сына послали учиться искусству риторики, и, хотя Грегори еще не овладел приемами красноречия, он стал внимательнее к отдельно взятым словам. Иногда кажется, будто он выстраивает их в ряд, чтобы рассмотреть, иногда — тычет в них палкой, а порой — от этого сравнения невозможно удержать-

ся — подбирается к ним, крутя хвостом, словно пес, обнюхивающий какашки других собак.

— Сэр Уильям, а бывало раньше, чтобы английскую королеву казнили? — спрашивает Грегори коменданта.

— Насколько я знаю, нет, — отвечает комендант. — Во всяком случае, юноша, при мне такого не случилось.

— Это заметно, — говорит он, Кромвель. — Так все ваши промахи последних дней просто из-за отсутствия опыта? Вы не способны с первого раза что-нибудь сделать правильно?

Кингстон заливисто смеется. Вероятно, думает, что он пошутил.

— Видите, милорд Суффолк, — обращается комендант к Чарльзу Брэндону, — Кромвель считает, мне не мешает набраться опыта в отрубании голов.

Этого я не говорил, думает он, а вслух произносит:

— Сундук для стрел был удачной находкой.

— Я бросил бы ее в навозную кучу, — откликается Брэндон. — А под ней закопал бы ее братца. И заставил бы их отца смотреть. О чем вы только думали, Кромвель? Зачем оставили его в живых? От него одни неприятности.

Он гневно оборачивается к герцогу, впрочем зачастую его гнев притворный.

— Милорд Суффолк, вам часто случалось оскорблять короля и после на коленях умолять о прощении. И, зная вас, не сомневаюсь, что на этом вы не остановитесь. Так что же? Вам нужен король, которому неведомо милосердие? Если вы, как утверждаете, любите короля, подумайте о его душе. Однажды он предстанет перед Господом и ответит за каждого подданного. Если я говорю, что Томас Болейн не опасен для государства, значит не опасен. И если я говорю, что он будет жить в мире и покое, то так тому и быть.

Гуляющие придворные поглядывают на них: Суффолк, с огромной бородой, сверкающие глаза, мощная грудь, и государственный секретарь, одетый неярко, приземистый, в теле. Придворные с опаской обходят ссорящихся, удаляясь судачить в дальний конец лужайки.

— Господи помилуй! — говорит Брэндон. — Вы решили преподать мне урок? Мне, пэру королевства? Вы, оттуда, откуда вы взялись?

Мантел Х.

М 23 Зеркало и свет : роман / Хилари Мантел ; пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой, М. Клеветенко. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — 928 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-18523-4

Впервые на русском — «триумфальный финал завораживающей саги» (*NPR*), долгожданное завершение прославленной трилогии о Томасе Кромвеле, правой руке короля Генриха VIII, начатой романами «Вулфхолл» («лучший Букеровский лауреат за много лет», *Scotsman*) и «Введите обвиняемых», также получившим Букера, — случай беспрецедентный за всю историю премии.

Мантел «воссоздала самый важный период новой английской истории: величайший английский прозаик современности оживляет известные эпизоды из прошлого Англии», говорил председатель Букеровского жюри сэр Питер Стотард. И так, после казни Анны Болейн и женитьбы короля на Джейн Сеймур позиции Кромвеля сильны, как никогда. Он подавляет Благодатное паломничество — восстание католиков, спровоцированное закрытием монастырей, — и один из руководителей восстания, лорд Дарси, перед казнью пророчески предупреждает Кромвеля, что королевская милость не вечна. Казалось бы, хорошо известно, чем кончится эта история, — однако роман Мантел читается увлекательнее любого детектива...

В 2015 году телеканал Би-би-си экранизировал «Вулфхолл» и «Введите обвиняемых», главные роли исполнили Марк Райлэнс («Еще одна из рода Болейн», «Шпионский мост», «Дюнкерк»), Дэмиэн Льюис («Ромео и Джульетта», «Однажды в... Голливуде»), Клер Фой («Опочтарение», «Корона», «Человек на Луне»). Сериал, известный по-русски как «Волчий зал», был номинирован на премию «Золотой глобус» в трех категориях (выиграл в одной), на ВАФТА — в восьми (выиграл в трех) и на «Эмми» — тоже в восьми.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ХИЛАРИ МАНТЕЛ
ЗЕРКАЛО И СВЕТ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Александра Питчер
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ирина Киселева, Валерий Камендо

Подписано в печать 16.03.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 58.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRN-27137-01-R